

ЖЕНСКИЕ ОТДЕЛЫ В СТРУКТУРЕ ПАРТИЙНОГО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Революционность, масштабность, глубина преобразований в советской России после октября 1917 г. проявились не только в политике и экономике, но и в сфере гендерных отношений. Советское государство впервые идеологически артикулировало значимость женских интересов и ресурсов в государственно-коммунистическом строительстве и провозгласило необходимость специальной работы среди женщин. Исследовательское внимание автора сосредоточено на анализе политики большевиков в отношении женщин в первые годы советской власти сквозь призму деятельности специальных женских отделов Российской коммунистической партии большевиков (далее РКП (б)).

Функционирование женских отделов было традиционной темой для феминистско-апологетического подходов в советской общественной науке для демонстрации прогрессивного разрешения женского вопроса в Советской России-СССР¹. Критический взгляд на решение женского вопроса в СССР был практически невозможен в силу идеологических посылок. По мере становления гендерных исследований в научной среде расставлялись новые акценты в политике советской власти в решении женского вопроса в целом и деятельности женотделов в частности².

Теоретическая база для решения женского вопроса, на которую опирались большевики, была заложена в работах марксистов, прежде всего, в трудах А.Бебеля, Н.К.Крупской и А.Коллонтай. Рассмотрение теоретического багажа необходимо для понимания конкретных задач и организационных мероприятий для реализации работы среди женщин. Ставшая государственной коммунистическая идеология была проникнута эмансипаторским духом, рабство женщин признавалось главной твердыней буржуазного строя, а желание освободить женщину от гнёта домашнего рабства, осветить её сознание светом коммунистических идей означало

для большевиков окончательное закрепление победы «над старым миром». Раскрепощение женщин признавалось возможным лишь ходе преобразований общественных, прежде всего, производственных отношений при полном переустройстве общества на новых коммунистических началах: ликвидации частной собственности, правильной организации общественного питания и государственного воспитания детей. А.Бабель писал: «Женщины страдают от двойного ярма – зависимости от мужчины и экономической зависимости, лишь устранение первого позволит устранить второе»³. «Каждая работница должна стать солдатом революции. Основной задачей работницы является самое деятельное участие во всех формах и видах революционной борьбы, как на фронте, так и в тылу, как путём агитации и пропаганды, так и путём непосредственной вооружённой борьбы» – такова была идеологическая установка партии⁴. Можно утверждать, что освобождение женщин для российской коммунистической партии было не столько целью, сколько средством и инструментом реализации классовой политики.

При этом большевики не скрывали подчиненность, вторичность интересов женщин классовым интересам, императивам диктатуры пролетариата. Эмансипаторский проект большевиков изначально задавал жесткие рамки для решения женского вопроса: женские массы не могут иметь самостоятельные организации, они могут работать только под организационным и идеологическим руководством РКП (б).

Однако конкретный механизм реализации большинства поставленных для реализации женского вопроса задач прописан не был. Для решения «женского вопроса» были созданы органы на государственном и партийном уровне – отдел охраны материнства и младенчества при наркомате государственного призрения и его подразделения на местах, и женотделы при РКП (б). Руководители данных структур на центральном уровне – А.Коллонтай и И.Арманд – были масштабными фигурами как в российском женском движении, так и в РКП (б). После смерти И.Арманд в 1920 г. от холеры, женотдел возглавила А.Коллонтай (1920-1921 гг.), а затем С.Н.Смидович (1922-1924 гг.), К. И. Николаева (1924-1925 гг.), А.В.Артюхина (1925-1930 гг.). Трех последних

руководительниц известный специалист по российскому женскому освободительному движению Р.Стайтс считает менее выдающимися личностями, чем основательницы женотделов и интерпретирует данный факт как снижение ресурсности женотделов⁵.

Если аналоги государственных органов по охране материнства и детства существовали на тот момент в других странах, то женотделы явились уникальной структурой, порожденной советской властью. Женотделы входили с правом совещательного голоса в состав Оргбюро и Секретариата ЦК РКП (б) с 1919 по 1930 гг. Тот факт, что работа среди женщин осуществлялась по партийной линии, был очень важен: партия своим авторитетом придавала большую значимость реализации женского вопроса.

Малая советская энциклопедия определяет женотделы следующим образом: «Женотделы (отделы по работе среди женщин, работниц и крестьянок) – самостоятельные отделы комитетов компартий по пропаганде среди трудящихся женщин коммунистических идей, по вовлечению работниц, батрачек и беднячек-крестьянок в партию, по выдвижению работниц и крестьянок на руководящую работу... По инициативе женотделов принят ряд постановлений правительственных органов СССР, улучшающих бытовое и трудовое положение работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока»⁶.

Идея создания специальных органов по работе среди женщин-работниц принадлежала И.Арманд. В.И.Ленин, державший речь на I Всероссийском съезде работниц и крестьянок 16 ноября 1918 г. в присутствии 1147 делегатки, данную идею высказал. Отметив низкий уровень сознательности женщин, специфику их положения на производстве и в общественной жизни, он рекомендовал создать комиссии при парткомах по агитации и пропаганде среди работниц⁷.

В декабре 1918 г. ЦК РКП (б) особым циркуляром предложил создавать на местах комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. После одобрения идеи создания специальных органов для работы среди женщин на VIII съезде партии в 1919 г., комиссии были преобразованы в отделы по работе среди женщин при партийных комитетах.

В работе А.Коллонтай «Задачи отделов по работе среди женщин» были детально обозначены направления деятельности женотделов: «Первая их задача – воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать их в нашу партию. Вторая задача – втягивать женские массы в советское строительство... Третья задача отделов – ставить перед партией и выдвигать в области советского строительства такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связанные с особо неблагоприятным положением женщин, с фактической их закрепощённостью или неравенством, этими наследиями буржуазного прошлого (например, вопрос о проституции)⁸. Для решения поставленных задач А.Коллонтай настаивала на том, что за отделами должна быть сохранена самостоятельность.

Однако уже первые инструкции по созданию женотделов, определяющие цели, задачи, средства работы, состав, численность женотделов, их компетенция, отчётность, место в структуре органов власти, не оставляли сомнений, что система взаимоотношений женотделов с центром носила вертикальный характер. Отдел ЦК РКП (б) по работе среди женщин выполнял руководящую функцию, направляя и контролируя работу губернских, уездных и районных женотделов. Губернские комитеты (далее – губкомы) в свою очередь требовали буквального соблюдения инструкций, чтобы «не получились неправильные женские организации на местах»⁹. В архивах Твери содержатся выписки из заседаний бюро Тверского губкома, в которых последний предписывает «принять к сведению и исполнению» его решения. С.Н.Смидович писала по этому поводу: «Являясь отделами парткомов, женотделы тем самым являются лишь аппаратами партии, выполняющими его задачи в определенной области»¹⁰. Таким образом, партийная работа среди женщин изначально велась строго централизованно. Р.Стайтс объясняет этот факт длительным опытом подпольной борьбы большевиков, предполагающий централизацию, персонализм в организации¹¹.

Основной поток документов женотделов организационного характера в фондах архивов приходится на 1919 г., так как по всей губернии начинают создаваться женотделы, бюро по работе среди женщин, зарождается делегатское движение. Т.С.Окорочкова приводит данные, что в течение 1919 г. женотделы были созданы во всех 65 губерниях и 10 областях и республиках страны¹². В Тверской губернии к 1 января 1920 г. женотделы были образованы в 11 уездах из 15¹³.

В структуру женотдела входили организационно-инструкторский, агитационно-пропагандистский подотделы и подотдел печати. Орготдел поддерживал связь с местными парторганизациями, с общественными организациями, профсоюзами, созывал совещания ответственных женщин-работников, разрабатывал проекты решений партийных комитетов по работе среди женщин. Агитационно-пропагандистский отдел разрабатывал методические пособия для женотделов на местах, женских клубов и кружков политграмоты, проводил семинары для женского актива. Документы данного отдела были насыщены выдержками идеологов большевистской партии. Подотдел печати издавал агитационную литературу для работы среди женщин, руководил женскими журналами.

Штаты женотдела состояли из заведующего, секретаря и инструктора. Подбор кадров и комплектование технического аппарата женотделов происходило по заранее выработанным критериям (социальное положение, партийный стаж и т.д.). В условиях массовой женской безграмотности трудно было найти кадровых работников нужного социального происхождения с коммунистической ориентацией. В 1919 г. в Тверской губернии насчитывалась всего 91 женщина-коммунистка и 67 сочувствующих, большинство из которых вступило в партию в 1918-1919 гг.¹⁴ Поэтому из 21 женщины, работающей в уездных женотделах Тверской губернии, 7 имели низшее образование, 2 начальное, 5 среднее, 3 домашнее, 4 закончили гимназию¹⁵.

Практическая работа среди женщин в первые годы советской власти направлялась по 2 линиям: делегатское движение и практиканство (позднее — выдвиженство).

И.Арманд задумывала делегатские собрания как постоянную школу политики и освобождения, а партия рассматривала женские делегатские собрания как «самый существенный аппарат», соединяющий ее с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок, как «приводной ремень между партией и массой работниц»¹⁶.

По воспоминаниям А.М.Коллонтай, «делегатки знакомились с текущими политическими событиями, с работой различных отраслей советского строительства, особенно в деле социального воспитания, общественного питания, охраны материнства и других областей советской работы, непосредственно способствовавших бытовому раскрепощению трудящейся женщины. Они привлекались к практической работе, как на предприятии, так и к обследованию советских учреждений с целью изучения методов и системы работы в различных отраслях советского аппарата, а также по оказанию помощи по проведению различных партийных и советских кампаний»¹⁷. Таким образом, женщины-делегатки входили в публичную сферу, значительно расширяли свое образование и кругозор, приобретали коммуникативные, а также практические навыки. Делегатки ежегодно избирались на собраниях работниц, крестьянок под руководством партийных комитетов, женотделов. Численный состав каждого делегатского собрания обычно составлял 70-80 человек.

Исследования О.А.Хасбулатовой показывают, что как технология пробуждения социальной активности масс делегатские собрания были распространены на всей территории страны и являлись эффективным средством вовлечения женщин в общественно-политическую деятельность. По ее мнению, о их важной роли в системе идеологической работы партии свидетельствует тот факт, что Положение о делегатских собраниях четырежды рассматривалось и утверждалось Центральным Комитетом РКП(б): в 1923, 1925, 1927 и 1929 гг.¹⁸.

Отделы по работе среди женщин выступали связующим звеном между органами управления, местными советами и женским активом. С целью подготовки женщин для работы в государственных и общественных учреждениях был введен

институт практиканток – женщин из числа делегатов, которые с отрывом от производства проходили практику в советах, профсоюзах, кооперативах, больницах, детсадах и т. д. Они знакомились с организацией работы госучреждений, выполняли различные поручения. Наиболее проявившие себя делегатки оставались на постоянной работе в отделах Советов. Таким способом за 3 года советской власти к участию в государственном строительстве было привлечено 4 млн. женщин¹⁹.

Новые задачи перед женотделами были поставлены в 1920 г. А.Коллонтай, занявшей в тот год пост руководителя женотдела. Свежеиспеченные направления деятельности женотделов были обусловлены окончанием Гражданской войны, переходом к Новой экономической политике (НЭПу) и расширением влияния Советской России на Среднюю Азию. «Отделы должны ... сосредоточить в настоящее время свое главное внимание и всю свою энергию на вопросах производительного характера»²⁰. Вопросы организации производства, трудовая повинность, охрана труда, способы увеличения производительности труда – вокруг этих задач должна главным образом вестись агитация и пропаганда. А.Коллонтай выступала за усиление связи отделов с профсоюзами для вовлечения работниц в организацию производства, чтобы им предоставлялась возможность перейти на квалифицированный труд. Она считала, что нужно «подготовить руководителей работы среди женского пролетариата города и деревни, организаторов, инструкторов, агитаторов», организовав специальные секции при каждой партийной школе или школе советского строительства. А.Коллонтай планировала расширить социальную базу партии большевиков среди женщин: работа среди крестьянок, вовлечение в советское строительство женщин трудовой интеллигенции и конторского труда, женщин Востока – таковы были новые сегменты женского сообщества, которые предстояло завоевать правящей партии.

Для того, чтобы поставить женщину в такие условия существования, при которых она может проявить максимум своей трудовой энергии, помимо пропаганды и агитации А.Коллонтай настаивала на практических начинаниях

отделов: «Чтобы женщина могла отдавать себя общественно полезному труду, надо разгрузить ее от домашнего хозяйства и от пережитой системы единоличного потребления. Перед отделами встает вопрос о привлечении широких масс работниц к налаживанию производственного дела путем заготовок, правильного распределения, развития общественного питания не только в городе, но и в деревне, разрешение жилищного вопроса, организацией домов-коммун и т. д. Использование женских сил для возрождения народного хозяйства немыслимо без одновременной защиты и широкой охраны материнства и младенчества»²¹.

Видимо, новая волна энтузиазма, которую принесла с собой А.Коллонтай в женотделы, положительно сказалась на организации их деятельности. Р.Стайст считает, что самым важным практическим достижением А.Коллонтай было то, что она переориентировала женотдел со вспомогательной провоенной деятельности в русло психологической и социальной демобилизации²². Инструкции по работе с женщинами, поступившие в тверские партийные органы в 1920 г., составлялись уже более подробно. Качество печати агитационных документов улучшается, а их количество заметно увеличивается с начала 20-х гг. Если в запросах с мест в 1919 г. присутствуют требования выслать литературу пропагандистского характера, то в 1920-е гг. в переписке губкома с уездными комитетами речь уже идёт о создании библиотек по работе среди женщин. Среди результатов развития женотделов в 20-е гг. следует упомянуть также увеличение и унификацию документооборота, создание женских страничек в уездных газетах, появление планов работы и обследования уездных женотделов, проведение избирательных кампаний, празднования 8 марта и многое другое²³.

Нэп, демобилизация, сокращение числа работников, стремление предпринимателей к максимальной производительности труда привели к тому, что предпочтение отдавалось квалифицированным мужчинам-рабочим. Проблема женской безработицы в начале 20-х гг. в Тверской губернии стояла остро. Только в 1921 г. рабочих мест лишилось 45,7% женщин²⁴. XIII съезд партии постановил, что

сохранение женского труда на производстве имеет политическое значение. Тверские органы власти разработали программу охраны женского труда. Женотделы предотвращали случаи неправильных увольнений работниц, участвовали в вопросах социального страхования, в распределении девушек по школам ФЗУ и т. д.

Как оценивалась эффективность работы женотделов в начале 1920-х гг.?

С точки зрения количества вовлеченных в делегатское движение и практиканство женщин дело обстояло более или менее благополучно. В 1922 г. в стране насчитывалось 95 тыс. делегатов, среди них 24,2% составили работницы, 58,7% – крестьянки, 9,4% – служащие, 7,7% – домашние хозяйки²⁵. Качественные же показатели, которые учитывали карьерный рост женщин, были ничтожно малы. В августе 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В.Куйбышев обратил внимание Тверского губкома на недостаточную работу среди женщин. В качестве недостатков он выделил отсутствие женского населения на выборных и ответственных должностях в профсоюзах, кооперативах, советских, хозяйственных учреждениях²⁶.

На мой взгляд, квалификация деятельности женотделов как низкоэффективной была преждевременной. Агитация, пропаганда и любые другие виды работы по формированию новых ценностей в общественном сознании требовали длительной перспективы и не могли решаться наскоком. Классовая политика советской власти отталкивала от активной деятельности женщин непролетарского происхождения. Женотделы издавали постановления, где предписывали не вливать интеллигенток в делегатские собрания. Выборы в Советской России проходили преимущественно по производственному принципу, т.е. на собраниях предприятий, профсоюзов, учреждений, где основную трудящуюся массу составляли мужчины. В частности в выборах 1923 г. в Тверской губернии участвовало всего 6,1% женщин против 54,7% мужчин²⁷. Отсюда и низкие показатели представленности женщин на выборных должностях.

Несмотря на «триумфальное шествие советской власти», задачи советского строительства в целом и участие в нем

женщин в частности с трудом находила поддержку в массах, как у мужчин, так и у женщин. Большинство женщин в губернии являлись обывательницами, сиделками, больничными сёстрами, домохозяйками, служащими. По сообщениям уездных женотделов, эти категории женщин «не отзывались на призывы партии, не посещали собраний»²⁸.

Женотделы получали оскорбительные клички – «Центробаба», «бабкомы»²⁹. Противниками равноправия выступали, прежде всего, мужчины, которые считали женщин аполитичными, неспособными к самостоятельной деятельности и заявляли, что «не согласны, что жена будет наравне участвовать в строительстве советской власти»³⁰. Особенно остро вопрос о женском движении стоял в деревне. Мужчины не отпускали своих жён на собрания, а если и разрешали присутствовать, то запрещали им говорить. «Или я тебе голову оторву, или ты у меня в делегатках ходить не будешь», – цитируют крестьянки заявления своих мужей³¹. По этой причине в первые годы советской власти волостные съезды крестьян и крестьянок проводились отдельно. В выборах 1923 г. только 2,2% женщин из сельской местности участвовали в выборах³².

Деятельность отделов по работе среди женщин находила слабую поддержку со стороны партийных комитетов. Многие партийные организации губернии, призванные проводить активную политику в данном направлении, не считали её важной и необходимой. На местах нередко работу среди женщин даже партийной работой не считали. В исследованиях С.Т.Любимовой, М.П.Аракеловой, Н.П.Басистой отмечается, что в некоторых парткомах на женотделы смотрели как на отдельные самостоятельные организации, занимающиеся не партийной работой, а потому препятствовали их деятельности: отказывали в помещении, в материальных средствах, в канцелярских товарах³³. Несмотря на неоднократные обращения Тверского губкома с требованием изменить отношение к женской политике, перемены в деятельности уездных партийных комитетов, в общественной психологии происходили очень медленно. Как сообщал Тверской губком и уездные власти, «деятельность женотделов и их роль в общепартийной работе не уяснена

широкими партийными массами», «женотделы оторваны от рабочих масс...»³⁴. Таким образом, преобладали негативные оценки работы женотделов. На мой взгляд, причин этому факту можно назвать несколько. Многие вопросы по освобождению женщин, поднятые советской властью, так и не были решены. Во-первых, старая семейная кабала, прежние формы хозяйства мешали женщинам стать «борцами за коммунизм». Во-вторых, условия революции и гражданской войны не позволяли государству взять на себя финансирование социальной сферы. Некоторые идеи социалистического хозяйства себя дискредитировали: так, по отчётам делегатов, детские ясли, очаги, приюты являлись источником распространения болезней. В-третьих, чрезвычайные условия становления советской власти, низкий уровень образования и самосознания самих женщин и их мужей, недооценка со стороны парткомов значимости специальной работы среди женщин отрицательно влияли на результативность их деятельности. Поэтому уже в начале 20-х гг. встал вопрос о целесообразности сохранения женотделов.

Из 34 губерний в 19 дискутировали по указанному вопросу и решали его в различных направлениях. В Нижнем Новгороде и Перми женотделы были распущены, в остальных губерниях они были реорганизованы в подотделы Агитпрома, Политпросвета и других отделов. Но даже в тех губерниях, где женотделы были сохранены, ликвидаторские настроения расшатали организационные устои аппарата. В своём докладе заведующая Тверского губженотдела так описывала ситуацию, сложившуюся в губернии: «Нэп выбил базис работы, сломал её старые формы. Работники губженотдела потеряли голову, появились ликвидаторские настроения, которые поддерживались мнением всей парторганизации. Нас целый год только терпели»³⁵. Пути выхода из кризиса работы среди женщин искал и ЦК РКП(б). XII съезд партии и Всероссийское совещание заведующих губернскими женотделами в 1922 г. оценили сложившиеся отношения между женотделами и парткомами как «ненормальные». Была принята специальная резолюция по вопросу о самостоятельном существовании женотделов, при этом под-

черкивалось, что надо «вписать методы работы среди женщин в общую работу партии». В обзорном материале по итогам совещания говорилось, что оно определило новое содержание работы женотделов. Новые направления работы женотделов тоже прозвучали: вовлечение работниц в управление (включение их во все хозяйственные органы); выделение профсоюзами специальных организаторов по работе среди женщин; проявление массовой инициативы самих работниц и крестьянок по организации яслей, детских домов на условиях не государственной, а кооперативной поддержки и самопомощи³⁶. Поэтому с 1923 г. начинается новый этап в деятельности женотделов.

С этого момента, согласно линии партии, в Тверской губернии развернулось массовое выдвижение женщин на руководящие должности, а также увеличилось число женщин-членов общественных организаций. В 1925 г. в Тверской губернии число делегаток возросло на 530% в городах и на 224% в деревне³⁷. Работа с женщинами была поставлена под жёсткий контроль партии. Губком издавал подробные инструкции по работе среди женщин для уездов, требовал своевременной отчётности, распределял женщин по отраслям советского строительства. Причем, рост количества делегаток можно считать общесоюзной тенденцией: число делегаток – жительниц среднеазиатских республик возросло к концу 1925 г. до 57,5 тыс. человек³⁸. К 1928 г., по отчетам женотделов, через школу делегатских собраний прошли 747 тыс. женщин³⁹.

К середине 1920-х гг. неуклонно растет политическое участие женщин. В 1924-1925 гг. в Тверской губернии приняло участие в собраниях в деревнях 24,1% женщин, в городах - 27,9%; в 1925-1926 гг. - соответственно 36,6% и 39,5%. Таким образом, увеличился процентный состав женщин в сельских органах власти в 1926 г. до 10,5%⁴⁰. Анализ работы с женщинами-общественницами по Тверской губернии был представлен в докладе инструктора ВЦИК Дж.Галли, обследовавшем в 1928 г. эту сферу деятельности губисполкома на месте. В частности, он отмечал рост политической активности женщин, многолюдность и оживленность женских конференций⁴¹.

Важное значение для вовлечения женщин в коммунистическое строительство имело постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». Ставилась цель готовить квалифицированные женские рабочие кадры не только для легкой, но и для тяжелой промышленности, в первую очередь для металлопромышленности и машиностроения⁴². Летом 1930 г. прошли районные женские конференции, которые констатировали значительные успехи в деле “раскрепощения” женщин, перелом в сторону большего внимания к работе с ними органов власти. Основными темами конференций являлись социалистическое переустройство деревни, военизация женщин и вовлечение их в ОСОАВИАХИМ.

Таким образом, к концу 1920-х гг. деятельность женотделов набирала обороты. Однако в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП (б)» женотделы были ликвидированы. В постановлении указывалось, что работа среди работниц и крестьянок приобретает важнейшее значение, а потому должна вестись всеми отделами ЦК⁴³. Единственным разъяснением стала статья секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича «Реорганизация партаппарата и очередные задачи партруботы», в которой отмечалось: «Женотдел закончил круг своего развития. Мы уже имеем сейчас в Советах – 301 999 женщин, в профсоюзах – 3 078 000, из них в составе фабрично-заводских комитетов 56 608, а в составе низового профактива 290 000, в составе партийных комитетов процент женщин с 1929 г. увеличился до 20,1 % против 7,1 в 1927 г. Конечно, этого еще мало, но это – достаточно солидная группа, которую уже не надо специально опекать, а для дальнейшего выдвижения новых и продвижения, пожалуй, женотдел становится не прогрессивным центром, а тормозящим. Конечно, консерватизм еще очень велик, сопротивление продвижению женщин еще громадно, но это сопротивление в нынешний период должна преодолевать вся партия, весь партаппарат, не специально женотделы»⁴⁴. Политическая работа среди советских женщин

стала осуществляться женсекторами и привязывалась она к общим задачам государства и партии.

В отечественной науке сложились разные точки зрения на причины закрытия женотделов. Е.К.Костюшева считает, что женотделы были опасны для партийной политики, так как в советской России имела место «своеобразная феминистская практика, осуществляемая на низовом уровне коммунистического женского движения»⁴⁵. Аналогичную позицию занимает и И.Юкина, которая считает, что «женотделы становились структурой, развивающей и продвигающей независимую женскую личность, её экономическую и бытовую самостоятельность». Поэтому причина ликвидации данных структур видится автору в противоречии между самостоятельной инициативой в решении бытовых и производственных вопросов, расширении контролирующих функций, оценки проблем женщин, как базовых и самоценных, созвучность с феминистскими установками о ценности женской личности как таковой, с одной стороны, и с партийными установками с другой⁴⁶.

Я думаю, говорить о феминизме в феномене женотделов можно только как о «своеобразном» или «созвучном». Изначально большевики провозглашали коллективные идентичности, предполагая, что женщины должны быть включены в соответствующие организации. Мне представляется более правильным подход, в котором освобождение женщин рассматривается как побочный продукт классовой политики большевиков, и в рамках которого закрытие женотделов вписывается в другую объяснительную парадигму. О.А.Хасбулатова пишет, что «с точки зрения концепции активной гендерной политики, объектом которой являются и мужчины и женщины, отход от ориентации на работу только среди женщин был бы оправдан, однако компартия продолжала работать в русле «женской» политики»⁴⁷. По мнению Т.С.Окорочковой, «ликвидация женотделов была осуществлена в связи с реорганизацией партаппарата, в целом явившейся еще одним шагом по пути свертывания внутрипартийной демократии и усиления режима личной власти»⁴⁸.

Созвучными являются выводы исследователя «женской» государственной политики 1920-х гг. М.П.Аракеловой: «Отделы по работе среди женщин хотя и выполняли директивные установки ЦК партии, но все больше тревожили складывающуюся в стране командно-административную систему своей инициативой и влиянием на женские массы. А значит, представляли возможную угрозу для нее, поэтому с женотделами надо было либо покончить, либо подчинить системе»⁴⁹.

Ликвидация женотделов совпала со временем «великого перелома» в отечественной истории 1929-1934, когда, по выражению Р.Стайтса, большевики закладывали базу «той безумной политики, к которой они собирались прибегнуть». Он пишет, что «новые правители Советской России больше не верили, мягко выражаясь, в любую независимую политическую работу среди женщин... Упразднение женотдела было чисто политическим актом, имевшим небольшое отношение к тому уровню освобождения, которого русские женщины достигли к 1930 г.»⁵⁰.

Действительно, если оценивать деятельность женотделов по тем задачам, которые обозначила А.Коллонтай, то две из трех можно считать выполненными: воспитание работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлечение их в партию, втягивание женских масс в советское строительство – все это можно считать свершившимся фактом и соответственно историческую миссию женотделов выполненной. А третья задача женотделов – ставить перед партией и выдвигать в области советского строительства вопросы, которые вытекают из особенностей женского пола, связаны с неблагоприятным положением женщин – не вписывалась в логику партийно-государственного строительства. Большевики не просто не верили в независимую работу среди масс, но и не желали в целом такой постановки проблемы. Ставить вопросы, обозначать задачи с 1930-х гг. могли только новые руководители страны. Работа с массами перестроилась на формализованные принципы с использованием административно-силовых ресурсов. Армия тружениц и рожениц была сформирована. Благодаря интенсивной государственной политике по работе с женским населением в

период 20-х гг. XX в. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества в тоталитарной советской системе. Опыт работы женотделов свидетельствует ещё раз о том, что улучшать положение женщин могут только сами женщины.

¹ Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщины: опыт работы коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917 -1925). Смоленск, 1971; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937). М., 1978.

² Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа – Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993; Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007.

³ Бебель женщина и социализм. М., 1959. С.286

⁴ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ), ф.1, оп.1, д.7, л.1-2.

⁵ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М., 2004. С.452.

⁶ Малая советская энциклопедия. М.,1930. Т.3. С.142.

⁷ Стайтс Р. Указ. соч. С. 450.

⁸ Коллонтай А.М. Задачи отделов по работе среди женщин// Марксистский феминизм: Коллекция текстов. Под ред. В.И.Успенской. Тверь, 2003. С.210.

⁹ Козлова Н.Н. Женский вопрос в первые годы советской власти// Женщины. История. Общество. Тверь, 1999. В.1, с.73. (1999, 73).

¹⁰ Смидович С.Н. Работницы в Октябре и наши достижения //Коммунистка, 1924. №10.

¹¹ Р.Стайтс. Указ. соч. С. 445

¹² Окорочкова Т.С. 1990. Деятельность женотделов партийных комитетов в 1919-1929 гг: (К 70-летию создания)//Вестник Мокс.ун-та. Сер.8, История. №1.

¹³ ТЦДНИ, ф.1, оп.1, д. 571, л.1 об.

¹⁴ ТЦДНИ, ф.1, оп.1, д. 291, л.49.

¹⁵ ТЦДНИ, ф.1, оп.1, д.572, л.1.

¹⁶ Коммунистка, 1924, № 12, С.3.

- ¹⁷ Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 324.
- ¹⁸ Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново. 2004. С.136.
- ¹⁹ Козлова Н.Н. Женотделы и представительная система местных органов власти как эмансипаторский проект большевиков в 20-гг. (на материалах Тверской губернии) //Гендерная реконструкция политических систем. Под ред. Н.Степановой и Е.Кочкиной. Спб., 2004.С. 384.
- ²⁰ Коллонтай А. Задачи отделов... С. 212.
- ²¹ Там же. С. 213.
- ²² Стайтс Р. Указ. соч. С.450.
- ²³ Козлова Н.Н. Фонды Тверского Центра документации новейшей истории как исторический источник материалов по женскому вопросу в Советской России // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. Вып.2, С.64.
- ²⁴ ТЦДНИ, оп.2, д.985, л.56.
- ²⁵ Коммунистка, 1924, № 10, 20.
- ²⁶ ТЦДНИ, оп. 2. д.512, л.38.
- ²⁷ Социалистическое строительство в Тверской губернии в диаграммах и схемах. Тверь. 1927. С.29.
- ²⁸ Козлова Н.Н. 2000. Участие женщин в деятельности Тверских советов //Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, с. 88
- ²⁹ Бакли М. 2004. Политика большевиков и женотделы в 1920-х – 1930-х гг.// Гендерная реконструкция политических систем. Под ред. Н.Степановой и Е.Кочкиной. Спб., 376.
- ³⁰ ТЦДНИ, оп.1, д.561, л.56.
- ³¹ Коммунистка, 1924, № 10.
- ³² Козлова Н.Н. 1997. Советская представительная система: к вопросу участия женщин в деятельности местных органов власти//Женщины в социальной истории России. Тверь, с.87.
- ³³ Любимова С.Т. 1969. Из истории деятельности женсоветов//Вопр. истории КПСС. №9. С.68-70; Аракелова М. П., Басистая Н.П. Женщины России: опыт истории. М., 2000. С.11-13
- ³⁴ ТЦДНИ, оп.2, д.519, л.2.
- ³⁵ ТЦДНИ, оп.1, д.1003, л.10.
- ³⁶ Коммунистка, 1922, № 1, 2.

- ³⁷ ТЦДНИ, ф. 65, оп.1, д.1193, л.161.
- ³⁸ Опыт КПСС в решении женского вопроса, М.,1981, С.28.
- ³⁹ Любимова С. Т. Указ. соч. С.74.
- ⁴⁰ Тверская губерния в 1925-1926 гг.: Отчет губисполкома XV губернскому съезду. Тверь, 1927. С.238-254.
- ⁴¹ Козлова Н.Н. Женотделы и представительная система... С. 392.
- ⁴² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 тт. т. 4, 271.
- ⁴³ Справочник партийного работника. 1930. Вып. 7. Ч. 2. М.;Л. С.170.
- ⁴⁴ Каганович Л.М. Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы //Коммунистка. 1930. №2-3. С.5.
- ⁴⁵ Костюшева Е.К. 2000. Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. Спб., 2000, С.81.
- ⁴⁶ Юкина И. 2007. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007, С.452.
- ⁴⁷ Хасбулатова О.А. Указ. соч. С.142.
- ⁴⁸ Окорочкова Т. Указ. соч. 1990, С.16-17.
- ⁴⁹ Аракелова М.П. 1997. Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 20-е годы: опыт организации и уроки. М., 1997, С.70.
- ⁵⁰ Стайтс Р. Указ.соч. С.466.